

© 2018 г.

А.А. ЩЕЛЧКОВ

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Щелчков Андрей Аркадьевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

Российская революция вызвала многочисленные отклики не только политических сил, партий и движений, связывавших свое будущее и доктрину с провозглашенными российскими революционерами целями, но и широких слоев латиноамериканской интеллигенции. Были страны, где дискуссия о России стала элементом внутренней политики, занимала думавшую часть «публики» даже больше, чем собственная политическая ситуация. Такими странами были пережившие большой приток европейских иммигрантов страны Южного конуса: Аргентина, Уругвай, Чили и Бразилия. Именно там русская революция была актуальной темой для размышления уже с 1917 г. Более того, для большинства латиноамериканских интеллектуалов информация о событиях в России приходила из Буэнос-Айреса, позиция именно аргентинских «властителей дум» преобладала на всем континенте от Центральной Америки¹ до Перу и Боливии.

Среди огромного разнообразия мнений и позиций очень неоднородного по своим политическим симпатиям и мировоззренческим убеждениям слоя интеллигенции автор остановился в основном на тех проявлениях латиноамериканской мысли, которые можно с той или иной долей условности отнести к симпатизирующим революционным процессам в России. Сделано это было не специально, оправданием такой «односторонности» служит лишь тот факт, что среди жестких оппонентов любой революции, и тем более социальной, среди консерваторов, либералов и правых националистов преобладало удручающее однообразие и отказ от анализа, что сводило все их работы к одному тезису: Российская революция — это восстание черни, катастрофа мирового уровня, и благо, что Америка столь удалена от русских берегов. Разнообразие взглядов и подходов среди тех, кто с симпатией взирал на Россию, несравнимо больше, а по сему нам представляется более важным проанализировать точки зрения именно этого фланга латиноамериканской интеллигенции.

В книге «История XX века», явившейся своего рода итогом многолетней блестящей историографической работы, британский историк Э. Хобсбаум отмечал центральное значение Российской революции для понимания не только ее непосредственных исторических последствий, но и всего хода всемирной истории прошедшего, да и текущего века: «Казалось для всех очевидным, что старый мир уже приговорен к небытию. Старое общество, старая экономика, старые политические системы, как говорилось в Китае, “утратили мандат Неба”... Казалось, что нужен только один сигнал, чтобы народы поднялись и сменили капитализм на социализм, преобразовав невиданные страдания мировой войны в позитивное событие рождения нового мира. Этот сигнал дала Российская, а точнее большевистская, революция октября 1917 г., которая стала

¹ Важным показателем этого источника информации о России был ставший легендарным коста-риканский журнал «Repertorio Americano», издаваемый видным интеллектуалом и политиком Хоакином Гарсией Монхе.

самым ключевым событием мировой истории после Французской революции 1789 г. ...Последствия Октябрьской революции были более глубинными и всеобщими, чем Французской, ее идеи продолжают жить и после исчезновения большевизма»². Этот исторический смысл и значение событий в России сразу поняли все передовые люди во всех уголках мира. Интеллигенция стала первым получателем этого исторического послания из России и не могла остаться к нему равнодушной.

Об отношениях интеллигенции и революции, марксизма и коммунизма Э. Хобсбаум писал: «До того, как Первая мировая война и кризис 1929 г. полностью разрушили традиции и старые убеждения, масса интеллигентов не интересовалась Марксом. И заинтересовалась им через Ленина. История марксизма и западной интеллигенции стала по большей части историей отношений интеллигенции с коммунистическими партиями, которые заняли место социал-демократии как основных представителей марксизма»³. Как отмечал немецкий философ Эрнст Блох, марксизм представлял собой «предвосхитительное сознание», которое смогло дать форму мечте освобождения человека, он был социальным проектом, укорененным в антропологическом оптимизме, унаследованном еще со времени Просвещения⁴. Главным наследником духа Просвещения была интеллигенция, и особенно это определение уместно для Латинской Америки.

Революция в новейшее время была большим обольстителем интеллигенции. Как точно отмечала американский публицист Ханна Арендт: «Художники присоединялись к революционерам потому, что само слово буржуа было ненавистно, с эстетической точки зрения не менее, чем с политической. Вместе они составили богему, этот островок блаженного ничегонеделанья в океане делового и поглощенного своими проблемами века индустриальной революции. Даже среди членов этого нового праздного класса профессиональные революционеры пользовались особым почетом, поскольку их образ вообще не требовал какого-то определенного рода занятий»⁵. Латиноамериканская интеллигенция разделилась на тех, кто восторгался и обсуждал, на тех, кто взирал с опаской и страхом на русский эксперимент, и на тех, кто хотел «сделать как в России».

Важным представляется проанализировать первые, непосредственные реакции на Российскую революцию в Латинской Америке, не обсуждая здесь те самые разнообразные и порой антагонистические взгляды на нее, сложившиеся в последующие годы, когда «во весь рост» проявились ее свершения, трагедии и преступления.

Латиноамериканцы не сразу смогли получать достоверные и полные сведения о событиях в России, информацию они черпали из сообщений английских и французских газет. И тем не менее смогли увидеть в революции самое крупное мировое событие эпохи. Аргентинский мыслитель и публицист Хосе Инхеньерос отмечал, что только в конце 1919 г. была разорвана информационная блокада вокруг России и стали появляться важные сведения о ходе революции⁶.

Важнейшим и крупнейшим памятником воздействия Русской революции на латиноамериканскую интеллигенцию является книга Инхеньероса «Новые времена», вышедшая в 1921 г. Описывая ужасы и несправедливости мировой войны, он обличал корысть империалистических держав в этой войне и выделял момент исторического перелома в 1917 г., когда борьба союзников из Антанты приобрела новое содержание: Русская революция, освободила республиканскую Францию от компрометирующего союза с самодержавием. К этому ставшему подлинно демократическому союзу стран

² Hobsbawm E. Historia del siglo XX. 1914–1991. Barcelona, 1995, p. 63.

³ Hobsbawm E. Revolucionarios. Ensayos contemporáneos. Barcelona, 2010, p. 43.

⁴ Утопия и утопическое мышление. М., 1991, с. 63; Bloch E. El principio de esperanza (1). Madrid, 2004, p. 247–253.

⁵ Арендт Х. О революции. М., 2011, с. 361.

⁶ Ingenieros J. Los tiempos nuevos. Reflexiones optimistas sobre la guerra y la revolución. Madrid, 1921, p. 10.

добавилось вступление в войну американской демократии, президент США В. Вильсон анонсировал демократические принципы в мировой политике⁷. Однако Вильсон был недостаточно решителен для созидания нового мирового порядка, и Инхеньерос при всех своих симпатиях к американской демократии считал, что Вильсон и Керенский представляли программу «минимум» демократии в мировом масштабе, а Ленин и Троцкий стали лидерами «максимализма», который способен произвести всемирный переворот.

Инхеньерос подчеркивал, что в новых обстоятельствах «мои симпатии с Российской революцией, вчера с Керенским, сегодня, несмотря на все их ошибки, с Лениным и Троцким». Революция, которую породила мировая война, вызывала энтузиазм у Инхеньероса: «Эта война меня возбуждает, мне она интересна потому, что это — война новых идеалов против старых, война молодого человечества против ветхого человечества». Молодость мира, молодость человечества связана с Россией, а также с вильсонскими США, однако русские идут в своей борьбе до конца, осуществляя социальную революцию⁸.

Восторг Инхеньероса от опыта «максималистов» в России не был простым умозрительным анализом мирового развития. В нем он видел возможность для Латинской Америки в сочетании «молодости» и силы континента, проявившихся в широчайшем движении за Университетскую реформу, начать «новое время» в жизни континента, которое явится прологом свержения «старой заскорузлой олигархии»⁹. Ставший символом культурных перемен в начале века панамский журнал «*Cuasimodo*», ссылаясь на Инхеньероса, подчеркивал влияние на борьбу за Университетскую реформу и обновление на континенте Русской революции, с ней «во всем мире победит евангелие всеобщего братства», а на латиноамериканском континенте его завоеует союз интеллигентов, студентов и рабочих¹⁰.

Инхеньерос присоединился к движению солидарности с советской Россией, сформировавшемуся в ответ на призыв Анатоля Франса и Анри Барбюса создать «Интернационал интеллигенции» на основе группы «*Clarté*» (по-испански «*Claridad*»). Союз прогрессивной интеллигенции, объединенной идеями гуманизма, пацифизма, антивоенной борьбы, интернационализма и солидарности с Советской Россией, привлёк гораздо больше латиноамериканских интеллектуалов, нежели пропаганда классовой борьбы и гражданской войны¹¹. Аргентинец в статье для журнала «*Cuasimodo*» писал: «Анатоль Франс, Анри Барбюс, Ромен Роллан возглавили смелую группу “*Claridad*”, которая указала миру новый путь для всей интеллигенции — верность идеалам Французской революции, солидарности с Советской Россией»¹².

Задачей этого «Интернационала интеллигенции» всего мира будет создание Универсальной республики равенства, братства, всеобщего труда, коллективного обладания средствами производства, где не будет границ, но станут царить солидарность и мир¹³. Результатом этого Интернационала должна была стать всемирная духовная революция, начало которой было положено в России.

Манифест группы «*Claridad*» опубликовали самые именитые журналы континента, например коста-риканский «*Repertorio Americano*»¹⁴, ставший рупором интеллигенции, где печатались Унамуно, Лугонес, Инхеньерос, Ортега-и-Гассет, Габриэла Мистраль, Педро Энрикес Уренья и многие другие. На его страницах привилегированное положение занимали статьи о России Герберта Уэльса, Максима Горького,

⁷ Ibid., p. 53.

⁸ Ibid., p. 61, 62, 69.

⁹ *Aricó J.* 1917 y América Latina. — *Nueva Sociedad*, № 111, enero-febrero 1991, p. 19.

¹⁰ *Cuasimodo. Magazine interamericano*, Panamá, t. IV, № 12, agosto 1920, p. 46.

¹¹ *Historia de América Latina*, t. 12. Barcelona, 1997, p. 77.

¹² *Cuasimodo*, p. 70.

¹³ *Ingenieros J.* Op. cit., p. 76—81.

¹⁴ *Repertorio Americano*, San José (Costa Rica), v. I, № 11, 15 de enero 1920, p. 174—175.

испанских писателей и социалистов Луиса Аракистайна и Фернандо де Лос Риоса, испанского писателя-модерниста Грегорио Мартинеса Сьерры¹⁵.

В Аргентине возник своего рода филиал этой группы, в Бразилии левая интеллигенция создала одноименную группу в 1921 г., она издавала журнал тиражом в 2 тыс. экземпляров. Члены бразильской группы вскоре приняли участие в создании компартии¹⁶. Стоявший во главе аргентинской «Claridad» Инхеньерос считал ее частью мирового движения, в котором особое место занимала Российская революция и ее эксперимент с «функциональной демократией», т.е. советской властью. Он предпочитал говорить о значении «Интернационала интеллигенции» во всемирном масштабе, который важнее и значительнее партийного интернационала коммунистов¹⁷, ибо отражает состояние духа и молодость новой эпохи¹⁸. Для Инхеньероса классовая борьба не имела никакого значения, он говорил о биологической борьбе молодости против «ветхости» старых режимов. При всем восторженном восприятии русского опыта все же трансформация общества, по Инхеньеросу, должна была происходить путем эволюции, реформы и сотрудничества классов¹⁹.

Аргентинец выделял три главных достижения Российской революции, свидетельствовавших о ней как провозвестнице прогресса цивилизации. Во-первых, это политическое новаторство, предложившее новую форму федеральной системы, в ней на место традиционных парламентов придут органы власти, осуществляющие социальные функции, что в России представлено советами. Во-вторых, революция провозглашала «интегральное просвещение», т.е. такое народное образование, которое превращало гражданина в созидательного и полезного члена общества. В-третьих, средства производства и обмена будут социализированы, что приведет к исчезновению паразитических классов²⁰.

Аргентинский публицист видел в нарождавшейся политической модели новое решение представительства и народного суверенитета. Французская революция, опиравшаяся на народный суверенитет, выродилась в расцвет привилегий, что показал весь XIX в. Российская революция предлагала «функциональную» систему, советы противостояли капитализму и буржуазному парламентаризму, что являлось новаторством в понимании суверенитета²¹.

Инхеньерос подчеркивал моральное обновление мира в результате Российской революции: «Победа революции показывает беспомощность насилия перед моральной силой; победила нерушимая вера в идеалы справедливости, более сильные, чем все армии, все золото, дипломатия и предательство». Однако значение революции больше, чем только ее победа в России, оно состоит в «духе обновления, которое уже сформировало новое сознание морали во всем человечестве». В работе, посвященной трехлетию революции «Моральные силы революции» (1920 г.), Инхеньерос ставил достижения русских революционеров выше свершений христианства, Возрождения и Французской революции.

¹⁵ Repertorio Americano, v. III, № 4, 26 de septiembre de 1921, p. 49–51; v. IV, № 8, 15 de mayo 1922, p. 101–102; № 11, 5 de junio 1922, p. 145–147; № 18, 24 de julio de 1922, p. 243; № 28–29, 25 de septiembre de 1922, p. 389–390.

¹⁶ Семенов С. И. Зарождение коммунистического движения в Латинской Америке. — Первый конгресс Коминтерна: Великий Октябрь и рождение международного коммунистического движения. М., 1986, с. 497.

¹⁷ Инхеньерос причислял к «апостолам» новой веры, которой привержена группа «Claridad», русских борцов с белогвардейцами, немецких «мучеников» Р. Люксембург и К. Либкнехта.

¹⁸ Repertorio Americano, v. I, № 19, 15 de mayo 1920, p. 302–304.

¹⁹ Fatyass R. El pensamiento teórico, ideológico y moral de Ingenieros en su sentido práctico: sus Tiempos Nuevos. — VI Jornadas de la Historia de las Izquierdas “José Ingenieros y sus mundos”. Buenos Aires, 9, 10 y 11 de noviembre de 2011, p. 20–21.

²⁰ Ingenieros J. Op. cit., p. 10–11.

²¹ Kohen N. De Ingenieros al Che. Buenos Aires, 2000, p. 39.

Для него революционные процессы в России и Европе были продолжением пути, начатого в период Возрождения, принципам которого, состоящим в первую очередь в человеческой солидарности, на протяжении 400 лет противостоял феодализм, свергнувший Европу в мировую войну и почти погубивший цивилизацию: «До сего дня насилие питало политическое и экономическое господство, сегодня над мусорной кучей империализма встает новая мораль, а этические ценности определяются Справедливостью... У новой эпохи две ведущие силы... труд и культура». Нации превратятся в «солидарные сообщества, вдохновляемые общими идеалами»²².

Инхеньерос не был поклонником демократии, видя в ней большой дефект в торжестве большинства, а оно всегда посредственно. Демократия — это буржуазность, которая была для него синонимом посредственности. Он был последователем художественного модернизма, отрицавшего буржуазность. По его мнению, прогресс принадлежал молодежи и творческому меньшинству²³. В связи с этим его не пугала диктатура большевиков.

Революция и социализм, в понимании Инхеньероса, должны были привести к появлению «нового человека», но не как сообщества строителей новой цивилизации и новой антропологии. Он, вдохновленный работами Ницше, протестующими против «посредственности», против серого рутинерства, следующего за движением капитала, хотел видеть сверх-человека, героя, разрушающего мелкобуржуазный уют и стабильность. Поэтому Инхеньеросу Керенский был менее симпатичен, чем Троцкий и Ленин, а «максималисты» (большевики), штурмующие устои всего человечества, вызвали у него абсолютный восторг²⁴.

Инхеньерос по своим взглядам был эволюционистом и социальным дарвинистом и элитистом, он верил в благотворность действий элиты. Будучи последователем ариэлизма Х.Э. Родо, возвеличивавшего неконформизм молодежи, Инхеньерос устанавливал причинно-следственную связь между молодостью и способностью к обновлению и прогрессу. В Российской революции, в большевиках он видел молодую элиту, способную дать толчок новому витку прогресса и исторической эволюции. При этом Инхеньерос не ассоциировал идеальное будущее, обновление, прогресс и преодоление капитализма с триумфом социализма. Он был крайне далек от социалистической перспективы, она его мало интересовала.

Элитизм был свойственен движению «Новое поколение», стоявшему у истоков Университетской реформы, на которое огромное влияние оказал испанский философ Ортега-и-Гассет, побывавший в Аргентине в 1916 г. Поколенческий конфликт, вера в силу молодежи лежали в основании движения «Новое поколение», сумевшего привлечь на свою сторону как радикальных, так и реформистски настроенных интеллектуалов.

Инхеньерос критически относился к либеральной демократии, парламентаризму, считал необходимым защиту именно социальных прав личности через некие корпоративные институты, поэтому его привлекала идея «функциональной демократии», примером которой ему виделись советы в России. Он видел в советской власти своего рода корпоративизм²⁵.

С Инхеньеросом страстно спорил, ссылаясь на работы Маркса, Энгельса, Каутского, аргентинский социалист Энрике Дикманн. Он доказывал реакционность корпоративизма в политическом устройстве, отвергая идею, что такая система лучше отстаивает интересы рабочего класса, всех трудящихся. Наличие рабочей партии, представляющей интересы именно пролетариата, было достаточной гарантией в условиях широкой демократии. Дикманн и Томасо считали, что Инхеньерос ошибается,

²² *Ingenieros J.* Op. cit., p. 11–14.

²³ *Acha O.* La revolución rusa de José Ingenieros: elitismo y progresismo. — *Herramienta*, № 20, p. 4.

²⁴ *Kohen N.* Op. cit., p. 36.

²⁵ *Acha O.* Op. cit., p. 11.

и советская система вовсе не «функциональная», а типично классовая, исключая из системы другие, не большевистские политические силы и группы²⁶.

Если бы Инхеньерос не защищал с таким пылом советскую революцию, то, суммируя все особенности его взглядов на народ, демократию, волю и молодежь в политике, он скорее мог претендовать на звание будущего приверженца фашистских и националистических режимов в самой Латинской Америке, типа перонистского. Однако он умер в 1925 г. и до конца жизни боролся вместе с левыми, а благодаря Анибалью Понсе в исторической памяти остался попутчиком и союзником аргентинских коммунистов.

Просвещенная воля, в данном случае большевиков, была для Инхеньероса единственным источником изменений, прогресса. Счастье России состояло в том, что нашлась такая «аристократия духа и воли», меньшинство, способное повести за собой массы. Инхеньерос в работе «Интегральное просвещение в России» (июнь 1920 г.) объявлял о формировании нового человека через реализацию просветительской революции. Он называл ее «целостным, интегральным просвещением» и дело «вождя просвещения» Луначарского сравнивал с победой Красной Армии над белыми и интервентами, приветствовал новые поиски в искусстве, все новое в эстетике Пролеткульта²⁷.

Журнал «Repertorio Americano», общепризнанный рупор континентальной интеллигенции, публиковал статьи о созидании нового человека в России, о детской самоуправленческой коммуне в Ясной Поляне: «Дух Толстого витает над этими опытами коммунистической педагогики». Педагогические новшества в деле народного просвещения, направленные на моральные и утилитарные цели построения нового общества, формирования нового человека и новой морали прежде всего интересовали латиноамериканскую интеллигенцию²⁸.

Оригинальная система (от детского сада до университета) создания нового человека привлекала внимание не только сторонников Российской революции, но и ее критиков. Так, мексиканский историк и философ Хосе Васконселос писал, что в начале 1920-х годов мексиканские интеллектуалы проводили часы, споря о Российской революции, о Ленине, но главное, что привлекало его самого — это советские реформы народного образования²⁹. Революция в далекой России меняла политическую практику, что было важнейшим фактором ее влияния.

Перуанский политический деятель Х.К. Мариатеги критиковал Васконселоса за его нежелание видеть достижения русской революции в своей целостности: «Васконселос был бы более справедливым в отношении Ленина, если бы признал его революционный гений и умение мечтать как никто до него, его стремление к электрификации России... Васконселос... несправедлив и ему не хватает просветленного взгляда на Российскую революцию, которая являет гигантское усилие рационализации экономики, развитие России по пути к социализму во враждебном окружении, и даже самые смелые философы не могут взглянуть на нее без предрассудков»³⁰.

Коста-риканский интеллектуал, литературный критик Наполеон Пачеко, отмечая интересные и привлекавшие свободомыслящих людей гуманитарные новшества в сфере просвещения, культуры и идеологии и даже призывая идти к обновлению духовной жизни, отмечал неприемлемые политические особенности большевистского режима, с которыми было невозможно смириться культурному человеку: «Образованные люди, ученые, художники лишены политических прав в большевистской России: лишь министерство имеет право оказывать влияние на сознание пролетариата в том,

²⁶ Pittaluga R. Soviets en Buenos Aires. La izquierda de la Argentina ante la Revolución en Rusia. Buenos Aires, 2015, p. 268–269.

²⁷ Kohen N. Op. cit., p. 40.

²⁸ Repertorio Americano, v. I, № 16, 1 de abril 1920, p. 246, p. 251; № 19, 15 de mayo 1920, p. 293–294.

²⁹ Vasconcelos J. La creación de la Secretaría de la Educación Pública. México, 2011, p. 19–20.

³⁰ Mariátegui J.C. Indología por José Vasconcelos. — Variedades, Lima, 22 de octubre de 1922.

чтобы разбудить в нем любовь к бесконечной справедливости, чтобы представить и убедить весь цивилизованный мир в способности созидания революционной нации, хотя интеллигенция все еще жива и вырабатывает новые принципы социального брожения»³¹. От латиноамериканских интеллектуалов не могли ускользнуть политические, социальные ограничения, дискриминация целых социальных групп и интеллигенции в новой политической системе советской России.

Российская революция предлагала разрыв постепенности в историческом развитии, которое уже многие десятилетия доминировавшим позитивизмом представлялось как «конец истории», как достижение социального и политического идеала либерального типа. Позитивисты утверждали, что эпоха мировых революций осталась в прошлом и все страны мира кто-то медленно, а кто-то быстро развивались в одном направлении. Но гармонии, благосостояния и всеобщего счастья не наступило. Затем война обрушила все эти построения, а Российская революция, казалось, открывала новый цикл мировых революций, имеющих шанс не только исправить катастрофы мировой войны, но и, возможно, открыть для человечества новый горизонт утопии, о которой оно всегда мечтало.

Отблеск Российской революции осветил творчество таких выдающихся литераторов, поэтов, как уругвайца Элиаса Кастаньюно, аргентинцев Роландо Мартеля, Хорхе Луиса Борхеса, Конрада Нале Роксло, Родольфо Гонсалеса Пачеко. Перу первого (он был руссофилом, поклонником Достоевского и Андреева) принадлежат стихи «Варвары у ворот Петрограда» (1919 г.) об угрозе варварства контрреволюции свету нового мира, зарождавшегося в России. Кастаньюно называли «уругвайским Горьким». Для него защита Петрограда — это не только борьба за Российскую революцию, но всеобщая битва за мечту и справедливость всех времен и народов. За страсть к революционной России его противники из журнала «*Martin Fierro*», подстрекаемые ироничным Борхесом, называли «Федором Элиеффовичем Кастаньюноффом», что должно было звучать очень по-русски³².

Писатель с мировым именем Х.Л. Борхес с 1914 г. жил в Европе, где на него значительное влияние оказал Р. Роллан, также видевший в Российской революции свет нового мира, освобождающего человечество от векового варварства. По возвращению в Буэнос-Айрес в 1921 г. он опубликовал в журнале «*Causimodo*» две поэмы «Россия» и «Красная гвардия»³³, в которых революционная страна на востоке Европы объявлялась «передовой траншеей» в битве за новый мир. В них чувствуется дыхание Российской революции, дошедшее до далекой Аргентины, а Россия представлялась кораблем в бескрайней равнине русской степи, кораблем, идущем в авангарде жизни и силы. В том же духе в 1926 г. аргентинский писатель Сесар Тьемпо создал поэму о революции, о Маяковском, Есенине, мужиках и Ленине³⁴. Оба литератора входили в группу «Флорида», ее члены писали статьи в прессе, демонстрируя свое восхищение событиями в России³⁵.

К. Нале Роксло в мае 1919 г. опубликовал поэму «Песнь о России» — меланхолическую повесть о счастье и человеческой солидарности, о которых теперь можно говорить как принципах новой жизни. Р. Гонсалес Пачеко приветствовал революцию как начало великой социальной революции: «Среди снегов, метелей и зноя,/ проклятий и проказы, /вновь в России восстают Христос,/ Бакунин, Толстой и Ракамболь.

³¹ Repertorio Americano, v. II, № 14, 1 de marzo 1921, p. 196.

³² Melgar Bao R. El exiliado boliviano Tristán Marof: tejendo redes, identidades y claves de autoconciencia política. — Pacarina del Sur, año 3, núm. 12, julio-septiembre 2012, p. 3.

³³ Tarcus H., Longoni A. Causimodo el temprano cruce entre vanguardia artística y vanguardia política. — Ramona, № 16, septiembre 2001, p. 35.

³⁴ Pittaluga R. Op. cit., p. 106.

³⁵ Ávila N. Intelectuales y artistas por la Revolución: La Revista de Oriente, 1925–1926. — Revista Izquierdas, № 25, octubre 2015, p. 168–169.

/Кругом бело, бело, бело,/ но ветер развевает красное, красное, красное полотно./ И вот свет! И слава дня!/ Социальная революция? Да! Да! Да!»³⁶.

Роландо Мартелль, который в Париже познакомился с работами Блока и Маяковского, оказавших на него большое воздействие, в поэме «1917 год» сравнивал Россию, Кремль с «бронзовым вулканом», предвестником мировых катаклизмов, вершившим историю, «свергающую с пьедесталов старых богов», где революционеры штурмуют бастионы самого сатаны.

В боливийской литературе выделялись имена выдающихся художников слова Рикардо Хаймеса Фрейре, Франца Тамайо, Григорио Рейнольдса. Отходя от сентиментализма в поисках нового слова, новой красоты, эти представители модернистской поэтической школы создавали свою эстетику. Их влияние на общественную мысль в целом было огромным. Новое слово сочеталось с новым взглядом на мир и на такие потрясения, как Российская революция. Фрейре ответил на события в 1917 г. знаменитым стихотворением «Россия». Он воспел восставшего «мужика», сбросившего «отеческую заботу царя»: «Великая и святая Русь! Из твоей священной боли как с новой Голгофы льются вера и надежда... Из недр заснеженной страны возгорится огонь ковра, который сметет остатки прошлого».

В 1921 г. аргентинский философ-экзистенциалист Карлос Астрада восторженно приветствовал Российскую революцию. В работе «Возрождение мифа» он писал: «В этот яркий момент целостный идеал формирует сознание человека, каждое прикосновение огня революции создает новые величественные контуры реальности. Мы живем в эпоху, создаваемую русским экспериментом. Реформисты утверждают, что русский опыт не обладает никакой новизной, ибо в нем отразились формулы и концепции общественных мыслителей и реформаторов всех времен. Это не так, русские смогли героически воплотить в жизнь старые и вечные мечты человечества о его освобождении, тогда как старые реформаторы всегда откладывали его на далекое будущее. Россия свершила свою революцию, смогла воплотить тысячелетние мечты о свободе, дав начало нового этапа эволюции человечества. Россия теперь больше, чем географическое и национальное понятие, теперь это великий миф, обогативший душу народов и сознание каждого человека»³⁷. Для этого философа модерниста Российская революция была «мифом создания истории», культурным явлением антикапиталистического романтизма.

Первоначально латиноамериканские левые литераторы воспринимали дело русских революционеров как начало всемирно-исторической революции, которая положит конец тому братоубийственному ходу истории, всемирной войны, заведшему народы мира в тупик взаимного уничтожения.

В дальнейшем ситуация изменилась. В тех же Аргентине и Чили левые силы стали ориентироваться на большевистскую концепцию мировой революции. Гуманистическое восприятие революции было оставлено в прошлом. Стала преобладать конфронтация между левыми, либеральными и консервативными силами, что и привело в конечном счете к возникновению, с одной стороны, мощного коммунистического и левого движения в этих странах, а с другой — к выхолащиванию тех гуманистических идеалов, которых первоначально искали в Российской революции как модели для будущего мира без войн, без эксплуатации.

Инхеньерос был признанным вождем студенчества, его борьбы за Университетскую реформу. В 1922 г. Инхеньерос создал «Латиноамериканский союз», декларировавший антиимпериализм, латиноамериканизм, веру в молодежь и социальный прогресс. Этот союз издавал журнал «*Renovación*», которым сначала руководили

³⁶ Цит. по: *Doeswijk A. L.* Los anarco-bolcheviques rioplatenses (1917–1930). Buenos Aires, 2013, p. 87.

³⁷ Цит. по: *Kohen N.* Op. cit., p. 46.

Х. Инхеньерос, затем последовательно Габриэль Маро, А. Орсабаль Кинтана³⁸, Ф. Маркес Миранда и, наконец, будущий видный идеолог перуанского революционного национализма (апризма) М. Сеоане. В своих первых публикациях этот журнал развивал идеи Инхеньероса: антиимпериализм, ариэлизм и большевистская революция.

Идеи Инхеньероса подхватывали радикальные лидеры движения за Университетскую реформу, такие как Деодоро Рока, испытавший на себе влияние Российской революции, сблизившей его с марксизмом. Самые крайние представители молодежи, студенчества под гипнотизирующим воздействием России, страстных выступлений Инхеньероса и группы «Claridad» создали радикальную «Insurrexit», издававшую одноименный журнал (первый номер вышел 8 сентября 1920 г.), исповедующую идеи А. Барбюса, Л. Лугонеса, анархизм Кропоткина и большевизм (максимализм) Ленина. В этой группе участвовали, выступали как приглашенные интеллектуалы публицист Анхель Розенблат, писательница Эрминия Брумана, молодой перуанский политик в эмиграции В.Р. Айя де Ла Торре. Всех их объединяла симпатия к Российской революции и проповедь социальной революции в Латинской Америке. Журнал солидаризировался с призывом Ролана и Барбюса сделать все для защиты Советской России, и прежде всего «осуществить свою духовную революцию»³⁹. Влияние этого журнала было немалым не только среди крайних левых, но среди социалистов и либералов. Такую же роль сыграли журналы «Ariel» в Уругвае, «Juventud» и «Claridad» в Чили, «Verbo Libre» в аргентинском городе Росарио.

Соратник Инхеньероса по революционной газете начала века «La Montaña» (Гора), название которой намекало на якобинские идеалы, поэт и журналист Леопольдо Лугонес первоначально с энтузиазмом воспринял Российскую революцию, видел в «трагической неделе» борьбы аргентинского пролетариата попытку ее повторения на южноамериканской земле. В 1919 г. он выпустил работу «Аргентинская революционная демократия», в ней он говорил о конце капитализма, призывал к демилитаризации общества, свободной любви, конфискации земельной собственности, банков, железных дорог и прочим действиям из арсенала большевиков. Он считал необходимым бороться за то, чтобы подтолкнуть Аргентину к повторению большевистского опыта, в котором особо ценил революционное насилие.

Если до 1919 г. Лугонес восторгался Российской революцией, то позже кардинально изменил свое отношение к ней и стал отзываться о «стране советов» как смеси ярости и варварства «азиатских орд» и «германского социализма» с присущим ему милитаризмом. Лугонес ставил знак равенства между диктатурой пролетариата и абсолютизмом, ибо в обоих случаях он видел «деспотический коллективизм», а ленинский большевизм был разрушающей «идеологией гражданской войны»⁴⁰. После поездки в Европу он уже не вспоминал о своих сначала либеральных, затем анархистских взглядах, а обратился к футуризму и фашизму, с симпатией взирал на Муссолини⁴¹. Прежним осталось лишь преклонение перед «революционным насилием»⁴².

В Аргентине на другом политическом фланге среди интеллигенции были популярны теософские и спиритуалистские идеи, сильным было увлечение индуистской философией и религией. Многие теософы были увлечены и очарованы русским религиозным возрождением Серебряного века. Среди популярных авторов были Елена Блаватская, Максим Горький. Эти круги с большим восторгом восприняли

³⁸ *Орсабаль Кинтана, Артуро* — адвокат, интеллектуал, в середине 1920-х возглавлял «Общество друзей России».

³⁹ *Tarcus H. Insurrexit. Revista Universitaria* (1920–1921). — *Revista Lote*, № 87, p. 2–3.

⁴⁰ *La Nación*, Buenos Aires, 4 de julio 1919.

⁴¹ *Repertorio Americano*, v. X, № 16, 29 de junio 1925, p. 245.

⁴² *Devoto F. Acerca de un intelectual extremo y sus fracasos. El caso de Leopoldo Lugones político.* — *Estudios sociales. Revista universitaria semestral*, año XVIII, № 34, Santa Fe, Argentina, Primer semestre 2008, p. 20–21.

революцию в России как предвестие новой эпохи. Правда, очарование и увлечение Россией длилось недолго, к началу 1920-х годов, когда более или менее стало ясным, каким путем идет революционная Россия, эти либералы-теософы и спиритуалисты утратили свои иллюзии.

Один из видных аргентинских теософов, писатель Артуро Капдевиля, создавший в 1921 г. Аргентинскую либеральную джорджианскую партию⁴³, считал, что Российская революция исправит недостатки капитализма (монополизм, несправедливое налогообложение, концентрацию земельной собственности) и приведет к его возрождению. В наибольшей степени он поддерживал аграрную политику большевиков, но осуждал социализацию промышленности⁴⁴.

Капдевиля сотрудничал с радикальными изданиями «Insurexit», «Cuasimodo», писал для них статьи о русском эксперименте, о Ленине, его он характеризовал так: «Это герой с большой буквы, самый великий и настоящий. Блестящий, хотя и пугающий апостол, в искренности которого нет никаких сомнений. Он вызвал мировую бурю, в моем сознании она предстает как божественное, религиозное предзнаменование». В 1929 г. в работе «Апокалипсис от Святого Ленина» он сравнивал Ленина с Буддой, Моисеем и Христом, называл его «красным святым»⁴⁵.

Журнал «Cuasimodo», который с 1919 г. издавал в Панаме пуэрториканский анархист Немесио Канале, а с 1921 г. он начал выходить в Аргентине под редакцией анархиста Хулио Барко, стал явлением в культурной жизни Буэнос-Айреса. Этот журнал много места уделял России и советскому эксперименту. Он печатал статьи Ленина, Крупской, Луначарского об образовании, о ликвидации безграмотности и школах для рабочих, работы о России Инхеньероса, Аптона Синклера, в том числе и осуждавшие большевистский деспотизм тексты Ж. Сореля и Максима Горького. Влияние этого журнала на левую интеллигенцию на всем континенте, от Центральной Америки до стран Южного конуса, было общепризнанным. Практически в каждом номере публиковались материалы и дискуссии о положении в советской России.

В первом номере в редакционной статье отмечалось, что движение интеллигенции начала XX в. не только в России, но и во всем мире, в котором особо выделились имена таких гениев, как Толстой, Чехов, Ибсен, Шоу, Эмерсон, подготовило Российскую революцию. И мы не должны удивляться, откуда взялись социальные и политические идеи Ленина и Троцкого, так как это интеллектуальное движение ставило вопросы о собственности, о любви человека к человеку, об общественных отношениях даже более радикально, чем это делают русские «максималисты»⁴⁶.

Русский «максимализм» привлекал к себе внимание и симпатии даже далеких от социализма политиков, таких как панамский писатель и лидер Либеральной партии Эусебио Антонио Моралес, писавший о Российской революции как «самом удивительном скачке в исторической эволюции человечества». Его как либерала больше всего привлекала новая система власти, передававшая на нижний уровень советов самые большие полномочия, федерализация и всегда желаемая либералами муниципализация власти. Эти новшества Моралес увидел в тексте первой советской конституции, которую подробно изучил и проанализировал. Моралеса пугали насилие и гражданская война, и он задавался вопросом, сможет ли Российская революция возбудить желание в других странах повторить ее опыт, и высказывал сомнения в виду темных сторон революции и насилия: «Этот режим вдохновляется враждебностью различных социальных классов, он стремится к разрушению капитализма путем конфискации и утверждению господства пролетариата. Один тиранический режим заменяется

⁴³ Названа в честь либерального американского экономиста Генри Джорджа, поклонником которого был Капдевиля.

⁴⁴ *Omar De Lucía D.* Luz y verdad. La imagen de la revolución rusa en las corrientes espiritualistas. — El Catoblepas, № 7, septiembre 2002, p. 12.

⁴⁵ Ibid., p. 13.

⁴⁶ Cuasimodo. Magazine interamericano, t. I, № 1, junio 1919, p. 5.

другим. Однако, если в России победит подлинное равенство, большевистский опыт сможет привести к окончательному триумфу социалистических идеалов во всем мире». Моралес мало верил в такую перспективу, ибо подогреваемая классовая борьба разрушит все принципы социальной справедливости. Он ждал изменения курса большевиков во имя идеала равенства⁴⁷.

Революция в России вызвала бурю внутри Социалистической партии Аргентины. Многочисленные статьи о Российской революции выходили из под пера аргентинских социалистов Антонио де Томасо, Альфредо Паласиоса, Энрике дель Валье Иберлусеа, А. Орсабалья Кантаны. Создание Обществом друзей России журнала «Revista de Oriente» стало большим событием в культурной жизни Аргентины. Одной из главных задач журнала провозглашалась пропаганда достижений Русской революции. Им руководил Орсабаль Кинтана⁴⁸.

Орсабаль Кинтана был левым либералом, учеником Инхеньероса. Он также полагал, что европейская война была историческим водоразделом для мировой цивилизации. Российская революция была ее продуктом и реальным вариантом выхода из нее. Такую же позицию разделял другой левый либерал, философ Саул Таборда, который симпатизировал большевикам, но считал их близкими идеям В. Вильсона или швейцарским социалистам. Все эти силы имели разные цели, но не были антагонистическими, они открывали новый мир. Таборду также привлекал революционный натиск большевиков, ему претили умеренные идеи поэтапного развития и движения к социализму, о чем говорили социал-демократы⁴⁹.

Критиков Российской революции было предостаточно не только справа, но и слева, но все признавала ее всемирно историческое значение. Антонио де Томасо, автор множества работ о Российской революции, в них он в основном критиковал большевиков, в 1919 г. писал: «В ряде стран рабочий класс смог добиться выполнения своих требований посредством революционных акций. В других то же самое он достиг благодаря атмосфере, возникшей в результате этой революции... Мы переживаем эпоху великих, никогда не известных ранее изменений. Мы теперь уже никогда не вернемся в старый довоенный мир, мир капитализма борется против социализма, который наступает, но пока не главенствует»⁵⁰.

Томасо с большим энтузиазмом писал о Февральской революции. Находясь в Европе в 1919 г., он взял интервью у Керенского, к которому испытывал симпатии. Для него, как и для сенатора-социалиста Энрике дель Валье Иберлусеа, Февраль был важнейшим мировым историческим событием, давшим импульс прогрессу и свободе. Томасо октябрьские события расценил как исторический откат к диктатуре и деспотии. Особенно большое его негодование вызывала диктатура пролетариата.

Если Томасо осуждал большевистский переворот, то другой лидер аргентинской социалпартии, писатель и публицист Альфредо Паласиос, считал, что Октябрьская революция открывает новую эпоху разрушения капитализма⁵¹. В первые годы после революции он проехал по всем соседним странам с лекциями о социализме, об Университетской реформе и Российской революции. Он оказал большое влияние на формирование социалистических политических сил в Перу и Боливии. Несмотря на неприятие диктатуры и большевистских методов, Паласиос высоко ценил Российскую революцию. Х.К. Мариатеги писал о нем в 1928 г.: «Советская Россия, несмотря на трудности целостно оценить дело Ленина, занимает огромное место во взглядах Паласиоса в отличие от прочих ворчливых профессоров от социал-демократии»⁵².

⁴⁷ Ibid., p. 65–68.

⁴⁸ Ávila N. Op. cit., p. 166.

⁴⁹ Lucía D. O. Liberalismo y revolución: los georgistas argentinos y la revolución rusa. — Pacarina del Sur. año 3, núm. 10, enero-marzo 2012, p. 3.

⁵⁰ Pittaluga R. Op. cit., p. 125.

⁵¹ Ibid., p. 289.

⁵² Mariátegui J.C. «El Nuevo derecho» de Alfredo Palacios. — Variedades, Lima, 30 de junio de 1928.

Социалисты, в частности Томасо, не могли смириться с большевистским нигилизмом в отношении всеобщего избирательного права и демократии. Видные социалисты Энрике Дикманн и Альфредо Паласиос принимали диктатуру пролетариата лишь как временную меру, вынужденную сопротивлением старого режима, но отказывались принимать отмену всеобщего избирательного права, являвшегося для них непреходящей ценностью, тем более что в Аргентине его только что отвоевали⁵³. Паласиос даже признавал правоту разгона Учредительного собрания, так как оно представляло силы прошлого, а его роспуск «спас революцию»⁵⁴.

Паласиос в отличие от многих своих соратников по партии признавал огромное историческое позитивное значение революции в России, открывавшей новую историческую эпоху. Он подчеркивал, что во всем мире пролетариат, все трудящиеся с неизменной симпатией относятся к Русской революции⁵⁵.

Томасо, хоть его и радовали известия о Российской революции, сильно разочаровал разгон Учредительного собрания: «Чем отличается большевистский режим от демократических режимов, тем, что мы хотим совершенствовать демократию через расширение избирательных прав, референдумы, права народной инициативы и даже право отзыва некоторых категорий чиновников, большевистский режим идет по пути исключения избирательных прав»⁵⁶.

Орсабаль Кинтана был представителем аргентинской традиционной элиты. В 1910–1920 гг. он жил и учился в Париже, где после начала революционных событий в России и Европе испытал, как и многие латиноамериканские интеллектуалы, проживавшие в Европе, влияние Барбюса и Роллана, являвшихся тогда главными пропагандистами дела большевизма в культурной среде. Руководимый им журнал «*Revista de Oriente*», хотя и был близок к аргентинским коммунистам, но имел более широкую аудиторию, особенно среди интеллигенции и студенчества. К этому времени Орсабаль, хотя и не принял большевистской ортодоксии, но стал активным защитником антикапиталистического эксперимента в России как в социальной, так и в эстетической сферах⁵⁷.

Журнал много места уделял культурным процессам в Советской России, политике Пролеткульта и авангардистской эстетике, что вызывало интерес именно у образованной публики и деятелей культуры. Искусство рассматривалось издателями как способ привлечения масс на сторону революции. С этим журналом сотрудничали такие значимые фигуры латиноамериканской мысли, как Х.К. Мариатеги, В.Р. Айя де ла Торре, Диего Ривера.

Видным интеллектуалом, занявшем место Инхеньероса после его смерти как вождя антиимпериалистического и студенческого движения, был Мануэль Угарте, побывавший с рядах соцпартии. Он покинул ее во время мировой войны, так как не разделял позицию руководства партии, отказавшегося придерживаться нейтралитета в войне. Конечно, Угарте не был интернационалистом-циммервальдистом, но примыкал к антивоенной фракции в соцпартии⁵⁸. Главным кредо Угарте была «большая родина», единство латиноамериканских стран перед лицом колониализма и европейского и американского империализма. Хотя Угарте больше занимал опыт мексиканской революции, он также обращался и к России.

До революционных событий с России он находился в Париже, где познакомился со многими русскими меньшевиками, социалистами разных мастей, особо симпатизировал Плеханову, общался с Анжеликой Балабановой. Репрессии большевиков, направленные против социалистов и меньшевиков, настораживали Угарте, его

⁵³ Pittaluga R. Op. cit., p. 232–233.

⁵⁴ Ibid., p. 271.

⁵⁵ Ibid., p. 369.

⁵⁶ Ibid., p. 265.

⁵⁷ Lucía D. O. Op. cit., p. 10.

⁵⁸ Ugarte M. La nación latinoamericana. Caracas, 1978, p. XXIV.

беспокоила судьба Плеханова⁵⁹. И все же он с надеждой взирал на процессы обновления в России.

В 1927 г. Угарте побывал в Москве на съезде Общества друзей СССР. Там он говорил о примере Российской революции для всех народов континента. Он подчеркивал, что 10 лет исторического опыта революции имеют значение для всех латиноамериканцев, а не только для коммунистов, приверженцев ее идей⁶⁰.

Именно в Москве Угарте по-настоящему сдружился с А. Барбюсом, хотя был знаком с ним ранее. Там же он познакомился с Диего Риверой, все они жили в одной гостинице. С большим сарказмом Угарте вспоминал его с Барбюсом визит с НКВД к Чичерину. В ответ на его предположение, что со временем «советы» восстановят свободу прессы, Чичерин расхохотался, заявив, что такой свободы нет нигде. Барбюс слегка улыбнулся. Для Угарте это был приговор большевистскому режиму⁶¹. Тем не менее за ним закрепилась репутация агента Москвы, его обвиняли в продажности за «советское золото»⁶².

Для Угарте Российская революция была грандиозным явлением, но обладала исключительно национальными чертами, хотя ставила перед собой цель распространиться на весь мир. По его мнению, ее опыт для Латинской Америки был малозначим: «Советский режим был результатом катастрофического поражения в войне и восстания темных и веками угнетаемых масс паразитическими классами. По сему не удивительно, что они восстали, сбросив с себя ярмо и прибегнув к насилию при страстных призывах политиков. Но не следует из этого опыта делать общие выводы для всего человечества, которое, преодолев период возмущения, стало заживлять раны»⁶³.

Российская революция ему представлялась как реализация максимального интернационализма и классовой борьбы, способных разрушить нацию. Делу Ленина и большевиков он противопоставлял фашизм Муссолини, эгоистический национализм и насильственное классовое сотрудничество, считая оба режима неприемлемыми для демократического национализма латиноамериканских демократов. Однако если бы ему пришлось выбирать между Москвой и Римом, он предпочел бы Ленина, а не Муссолини⁶⁴.

Аргентина была страной, где Российская революция стала важнейшей национальной темой. Буэнос-Айрес привлекал к себе внимание интеллигенции различных политических взглядов из соседних стран. Там в 1917 г. находился выдающийся чилийский политик, интеллектуал-самоучка Луис Эмилио Рекабаррен. Он оказался в самом эпицентре дискуссий о России и ее революции.

В серии статей в чилийской прессе в начале 1918 г. Рекабаррен без всяких колебаний встал на сторону не только Российской революции в целом, но и большевиков. По его словам, «повивальной бабкой» революции была мировая война, а большевики открыли путь к социализму, который являлся «просвещенной формой цивилизации»⁶⁵. Рекабаррен представлял точку зрения его Рабочей социалистической партии (POS — ПОС), осуждавшей мировую войну и социал-патриотов Интернационала. ПОС поддерживала циммервальдистов в вопросе немедленного мира⁶⁶. В первой своей статье для газеты «*Adelante*» он писал: «Программа большевиков вызвала ужас во всем капиталистическом мире, ибо говорила о немедленном мире, об отмене частной собственности и передаче всей земли во всеобщее пользование»⁶⁷.

⁵⁹ Ibid., p. 314.

⁶⁰ Ibid., p. 225.

⁶¹ Ibid., p. 312.

⁶² Ibid., p. 331.

⁶³ *Ugarte M. La Patria Grande*. Buenos Aires, 2010, p. 128.

⁶⁴ Ibid., p. 136–137.

⁶⁵ *Recabarren L. E. Escritos de Prensa, 1898–1924*. Santiago de Chile, 2015, p. 521.

⁶⁶ *Grez Toso S. Historia del Comunismo en Chile. La era de Recabarren (1912–1924)*. Santiago de Chile, 2011, p. 153.

⁶⁷ *Recabarren L. E. Op. cit.*, p. 548.

Рекабаррен сравнивал Российскую революцию с Французской: «Максималистский режим в России существует очень мало времени, но за столь короткий период ему удалось совершить столько, сколько не сделать за целый век. Франция за 130 лет после своей революции не прошла до сих пор такого по значению пути, как Россия... Мечта, утопия, о которой говорили социалисты, считавшиеся сумасшедшими, сегодня становится не только реальностью, но и источником счастья для всего человечества»⁶⁸.

Рекабаррен был убежден, что революция и война тесно связаны, что мир служит интересам большевиков, социализма во всем мире и империалистические державы не поддерживают их предложений о немедленном мире, так как это послужит делу рабочего класса. А дело русского рабочего класса — это дело рабочих всего мира. Он поддерживал лозунг мира без военной победы, что стало бы предпосылкой подъема рабочего движения и его победы во всех европейских странах, уставших от бессмысленной войны. Такой конец мировой войны сделал бы невозможным впредь триумф милитаризма и новые войны вообще. Рекабаррен поддержал призыв Троцкого к миру, так как видел в нем возможность всемирного восстания пролетариата против буржуазной демократии⁶⁹.

Позиция Рекабаррена не была одиноким голосом в его партии, вся ПОС с энтузиазмом поддержала «первую в мире Социалистическую республику»⁷⁰. Чилийские социалисты в единодушном прияти большевистской революции открывали новую страницу в своей истории, их следующим шагом было присоединение к Коминтерну и изменение названия партии на коммунистическую в 1920 г.

В Бразилии видный писатель и журналист, симпатизировавший анархистам (он был большим поклонником П. Кропоткина) Афонсу Энрике Лима Баррету, с энтузиазмом выступал в защиту Российской революции и советской власти. Он написал революционный манифест «Сведем счеты» (опубликовал его журнал «АВС» в мае 1918 г.)⁷¹. Русскую революцию он объявлял единственно возможным выходом из тупика мирового развития и ужасов мировой войны⁷². Под влиянием большевизма Лима Баррету предлагал пересмотреть отношения собственности, в первую очередь конфисковать ее у религиозных орденов, отменить право наследования и признать право развода в семейных отношениях. Для Лима Баррету в России произошла в первую очередь моральная революция, разрушающая фальшивую этику «алчного буржуазного общества»⁷³.

Страстные выступления аргентинцев Инхеньероса и Паласиоса в поддержку революционной России оказали большое влияние на интеллектуалов, мыслителей-нео-конформистов соседней Боливии. Философ, либерал Игнасио Пруденсио Бустильо заявлял о крахе идей Французской революции, главным образом ее основ — демократии и индивидуализма. Он симпатизировал Российской революции, так как видел в ней попытку создания «интегральной», преодолевающей недостатки традиционной, демократии⁷⁴. Бустильо был влиятельным среди молодежи публицистом, выдающимся университетским преподавателем. В конце 1920-х годов поколение его учеников стояло у истоков первых марксистских и социалистических организаций, таких как Социалистическая партия в Сукре и Университетская федерация Боливии.

В работах Бустильо сочетались догмы позитивизма и либерализма с признанием того, что будущее принадлежит социализму. В его глазах, большевики были людьми действия, «видящими в современном социализме идеал, способный принести людям

⁶⁸ Ibid., p. 548–549.

⁶⁹ Ibid., p. 552.

⁷⁰ Grez Toso S. Op. cit., p. 155.

⁷¹ Лима Баррету был талантливым писателем, но так как перед написанием данных работ он лечился в психиатрической клинике, его яркие выступления воспринимались публикой с иронией.

⁷² Pereira A. Crítica impura. Rio de Janeiro, 1963, p. 34–54.

⁷³ Коваль Б. И. Свет Октября над Латинской Америкой. М., 1977, с. 87.

⁷⁴ Francovich G. El pensamiento boliviano en el siglo XX. La Paz, 1985, p. 80.

благополучие и счастье»⁷⁵. И этого было достаточно, чтобы смотреть на большевистскую революцию с симпатией, хотя и отрицать возможность ее повторения в таких странах, как Боливия.

Молодежь и студенты Боливии воспринимали Российскую революцию как некий романтический и смутный эгалитарный и очень привлекательный социальный опыт. В 1919 г. в Боливию приехал Альфредо Паласиос, ярый поклонник Российской революции. Его особенно восторженно принимали в студенческих кругах.

В Ла-Пасе «Рабочий центр социальных исследований» активно пропагандировал Российскую революцию. В 1921 г. в этом центре прочитал «социалистическую лекцию» Херардо Ф. Рамирес, текст ее позже был издан отдельной брошюрой. Рамирес представил свою эгалитарную утопию социалистического общества, путь к которому лежал через революцию и насилие. Вдохновляясь опытом российских большевиков, он назвал это будущее государство «Федеративной социалистической республикой Боливия». Самого себя он называл социалистом-эклектиком, «объединившим в своей доктрине коммунизм, анархизм и социализм». Как и Инхеньерос, он видел во всеобщем просвещении и труде главную формулу будущего⁷⁶.

В Кочабамбе в то же самое время начал свою деятельность совсем юный Хосе Антонио Арсе, в будущем главный популяризатор марксизма в Боливии, крупнейший боливийский интеллигент XX в. В 1921 г. в 17 лет он писал яркие антикапиталистические памфлеты в поддержку Российской революции и социализма. В 1923 г. Арсе и другие студенты Кочабамбы, среди которых выделялись будущие отцы боливийского национализма, мыслители и писатели Карлос Монтенегро, Хосе Бальдивесо и Аугусто Гусман, вышли из старой студенческой федерации и создали «Центр исследований», предшественник боевой Студенческой федерации 1928 г. Эту группу в прессе называли «советисты», т.е. сторонники советской России⁷⁷.

Боливийский писатель и политик из города Сукре Тристан Мароф (Густаво Наварро) отмечал: «В Боливии была некоторая социалистическая традиция, или то что мы можем так называть, и когда произошла Российская революция в 1917 г., отмечался энтузиазм, интеллигенция хотела изучать ее и интерпретировать ее значение»⁷⁸. Мароф в середине 1920-х годов находился в Европе, где, как и многие латиноамериканские интеллигалы попал, под влияние Ролана и Барбюса, вследствие чего порвал со своими старыми партийными симпатиями и стал сторонником «латиноамериканского социализма». Россия для него была исполнением народной мечты о социализме⁷⁹.

Большое влияние на этих молодых боливийских интеллигалов оказали работы Инхеньероса, а также испанского социалиста Фернандо де Лос Риоса, побывавшего в России в 1920 г. Он издал в 1921 г. книгу, где очень критически отзывался о большевиках. Отрывки из нее публиковали самые популярные среди латиноамериканских интеллигалов издания.

При всем своем скепсисе к советскому эксперименту социалисты и левые интеллигалы сохраняли чувства симпатии к России, и прежде всего к тому социальному вызову, который ассоциировался с революцией. Ф. де Лос Риос писал: «Мы все должны испытывать чувство благодарности России... несмотря на те огромные ошибки, что были у ее революции, пришло время задуматься над ними, над тем, что в области духа она стремилась свершить. Пришло время братства, что является единственным, что внушает уверенность в светлом, более гуманном будущем»⁸⁰.

⁷⁵ Цит по: *Lora G.* Historia del movimiento obrero boliviano (1923—1933). La Paz, 1969, p. 196.

⁷⁶ *Ibid.*, p. 203—204.

⁷⁷ *Stefanoni P.* Los inconformistas del Centenario. Intelectuales, socialismo y nación en una Bolivia en crisis (1925—1939). La Paz, 2015, p. 66—67.

⁷⁸ *Baciu S.* Tristán Marof de cuerpo entero. La Paz, 1987, p. 128.

⁷⁹ *Marof T.* La justicia del Inca. Brusselas, 1926, p. 39.

⁸⁰ *Repertorio Americano*, v. IV, № 8, 15 de mayo 1922, p. 102.

Работы Ф. де Лос Риоса были известны в Боливии, куда он приезжал с лекциями в Университет Сукре. Его концепция «гуманистического социализма», критическая в отношении российского опыта классовой борьбы, была восторженно воспринята молодыми интеллектуалами Гильермо Франковичем и Альберто Селада Вальдой, создавших боливийское направление «гуманистического социализма»⁸¹.

В Перу писатели, философы, интеллигенты с большой симпатией отреагировали на революционные преобразования в России. Молодые политики и мыслители В.Р. Айя де Ла Торре, Х.К. Мариатеги искали в русском коммунизме союзника, хотя и говорили о самобытном перуанском и ибероамериканском социализме.

Виктор Рауль Айя де Ла Торре был настолько увлечен Российской революцией, что в эмиграции даже вступил в Мексиканскую коммунистическую партию и побывал в Советской России в качестве делегата конгресса Профинтерна⁸². Айя де Ла Торре в 1924 г. писал: «Я должен изложить свои впечатления в отдельной книге, которую я подготовлю после поездки по ряду регионов страны советов. Ее значение намного больше любой другой книги о путешествиях. Как Мексика важна для Америки, так Россия для всего мира. В Мексике началась социальная революция латиноамериканского типа, и в России идет универсальная революция, которая меняет все приводные ремни истории»⁸³.

Свои впечатления после посещения России Айя де Ла Торре публиковал в самых высоко чтимых интеллектуальных журналах континента. Наибольшее воодушевление он высказывал в связи с молодостью Российской революции, энтузиазмом масс и прежде всего молодежи, программой просвещения, задуманной большевиками, ибо культурная революция была самой важной в достижении главной цели революции — создании нового человека⁸⁴. Молодежь — вот основное оружие Советов, а в Латинской Америке движение Университетской реформы подтверждало правоту большевиков.

Айя де Ла Торре постепенно отошел от поддержки советской власти, но остался верен высокой оценке Российской революции. На страницах журнала «*Amauta*» в 1926 г. он писал: «Российская революция, свободная или освобождающая, и Версальский договор, зараженный духом Бисмарка, наметили два разных пути для мира. Либо решительное и справедливое восстание против националистического, империалистического прошлого, полного эксплуатации и лжи, либо продолжение старого пути бесконечных мучений»⁸⁵.

Находясь в Италии в 1921 г., молодой перуанский журналист Хосе Карлос Мариатеги почти в каждом из своих репортажей для лимской прессы писал о событиях в России. В опубликованной 17 ноября 1921 г. в газете «*El Tiempo*» статье «Голод в России» Мариатеги подчеркивал, что главное достижение российского пролетариата — это реальная попытка построить социализм. Он отмечал, что, несмотря на существующие разногласия между различными течениями европейского социализма по отношению к большевикам, все они стремятся поддержать страдающих от голода русских рабочих. И Мариатеги подчеркивал: «Для пролетариата, какими бы ни были расхождения с принципами максимализма, Российская революция всегда будет началом социальной революции. Для пролетариата Россия навсегда станет первой республикой социалистического эксперимента»⁸⁶.

Мариатеги отправился в Европу, как было принято у многих молодых интеллигентов, в ожидании и предвкушении опыта цивилизации и прогресса, а нашел там

⁸¹ *Francovich G.* Op. cit., p. 124–126.

⁸² *Янчук И.И.* Коминтерн и АПРА. К истории становления идеологии и организационных форм революционного национализма в Латинской Америке. — *Латиноамериканский исторический альманах*, № 7, 2007, с. 159.

⁸³ Цит. по: *Aricó J.* Op. cit., p. 20.

⁸⁴ *Repertorio Americano*, v. X, № 16, 29 de junio de 1925.

⁸⁵ *Amauta*, Lima, № 2, octubre 1926, p. 12.

⁸⁶ *Mariátegui J. C.* *Cartas de Italia*. — *Obras Completas de José Carlos Mariátegui*, 3 ed., v. 15. Lima, 1975, p. 165.

«сумрак» катастрофы Великой войны, «заката Европы» и разочарования. Это было контрастом с бурным пробуждением латиноамериканского континента — Университетской реформы наполнившей молодым духом борьбы политические сферы старых «аристократических креольских республик», Мексиканской революции, открывавшей новые перспективы Индоамерики.

Свежим глотком воздуха для Мариатеги стала Российская революция, бурление старой Европы, рождение нового международного движения. Мариатеги наблюдал классовые бои в послевоенной Европе, присутствовал на съезде, где была создана компартия Италии. Из Европы он вернулся убежденный в необходимости соединить марксизм и борьбу за освобождение народов Америки. По его мнению, Америка должна пойти своим путем, ей ни к чему повторять европейский (большевистский) опыт.

После трех с половиной лет пребывания в Европе Мариатеги вернулся в Перу. В 1923 г. он прочитал цикл лекций о вынесенных им противоречивых впечатлениях от европейской политики и культуры, в том числе о Российской революции. Особое внимание Мариатеги уделил аграрному вопросу, в котором он симпатизировал эсерам⁸⁷. Не зря коминтерновцы называли его перуанским «народником»⁸⁸.

Выдающийся писатель Л. Валькарсель в эссе «Буря в Андах», открывавшем первый номер журнала «*Amauta*», издававшегося с 1926 г. Мариатеги, сравнивал ситуацию в Перу с Россией, где большинство населения было крестьянами, а значит и будущая революция должна была опираться на крестьян-индейцев⁸⁹. В этом же номере молодой поэт Альберто Идальго опубликовал яркое восторженное стихотворение о Ленине⁹⁰. Мариатеги считал эту поэму Идальго его лучшим лирическим, именно лирическим, произведением⁹¹.

* * *

Когда в Латинскую Америку стали проходить волнующие известия о событиях в далекой и малопонятной России, в этом уголке мира, казалось бы не затронутом ужасами мировой войны, общественная жизнь бурлила во всю: ставшие «мятежными» средние слои и плебейские низы городов были готовы идти на штурм олигархического государства. На севере в Мексике бушевала самая радикальная доселе известная на континенте революция, на юге, в Аргентине, социальное и моральное движение протеста студенчества и интеллигенции вылилось в Университетскую реформу, наибольшего размаха движение за которую достигло в 1918—1922 гг. Российская революция разбудила новые социальные слои, влившиеся в антиолигархическое движение на всем континенте.

Именно интеллигенция была первой, кто отреагировал на наступление новой эпохи, открытой Российской революцией. В событиях в далекой России латиноамериканские интеллектуалы увидели нечто, меняющее мир. Одних это привлекало, завораживало, других пугало и отталкивало. Интеллигенты, профессора университетов, публицисты, писатели и художники были первыми, записавшимися в ряды борцов социальной революции. Их яркие публицистические выступления достигли своей цели, привлекая к идеалам революции широкие группы интеллигенции, студенчества, ремесленников, рабочих, сформировавших на латиноамериканском континенте мощные политические движения XX в.: коммунистическое, революционно-социалистическое и революционно-националистическое.

⁸⁷ Ibid., p. 31—42.

⁸⁸ Obras Completas de José Carlos Mariátegui, 3 ed., v. 2. Lima, 1975, p. 31—42.

⁸⁹ Amauta, № 1, septiembre 1926, p. 4.

⁹⁰ Ibid., p. 12.

⁹¹ Mariátegui J.C. Literatura y estética. Caracas, 2006, p. 207.